ГЛЮКСМАН (Glucksmann) Андре (р. в 1937) — французский философ. Работал ассистентом у Арона. Позже — сотрудник Национального Центра научных исследований.

Основные сочинения: "Рассуждение о войне" (1967), "Кухарка и людоед" (1975), "Господа мыслители" (1977), "Европа 2004" (1980), "Цинизм и страсть" (1981), "Сила головокружения" (1983), "Глупость" (1985), "Декарт — это Франция" (1987) и др. В ранних работах, анализируя природу и характер войн, Г. противопоставлял войну как схему активного сопротивления, как революцию — ее ипостаси абсолютного уничтожения. При этом доминирование вектора насилия в современном обществе Г. связывает с коммунистическим проектом, полагая, что именно идеология в ее марксовом издании выступила предпосылкой всех тоталитарных режимов. По мысли Г., отношение "господство — подчинение" лежит в самом основании рационально организованного общества (ср. со структуралистской концепцией "власть — знание").

Достижение свободы в подобных рамках невозможно, поскольку: а) отдельные члены социума не в состоянии освободиться, ибо неизбывно присутствует "отсутствующий Господин", создавший как это общество, так и его законы; б) общество не свободно как целое, так как даже выступая в качестве "общества равных", оно утверждает для себя самого "всеобщий рациональный принцип порабощения" — дисциплину; в) общество, как правило, не в состоянии "импортировать" свободу извне в силу того, что экономическое процветание настоятельно требует от любого социума экспансии несвободы. Революции и их пророки — И.Фихте, Г.Гегель, Маркс и Ницше, — по Г., в той же мере виновны в ужасах тоталитаризма, в коей связаны с происхождением идеалов равенства (безразлично, для всех индивидов или их избранной части). Тексты "великих авторитетов", по мнению Г., необходимо конституируют "дискурс Властителя", подчиняющий себе историю.

Изобретенная формула "делай то, что захочешь", согласно Г.: 1) радикальна, ибо "направлена на настоящее ("делай") и управляет будущим ("то, что захочешь"). Прошлое стерто, поскольку повторять эту формулу означает снова начать все с нуля...

Сама конструкция и заданная организация помещает послушников в своего рода антимонастырь, подчиняя их антиправилам, которые разработаны не менее детально; 2) революционна, так как акцентирует момент, когда "все возможно": момент "когда все возможно" выдается за акт рождения каждого индивидуума, входящего в эту общность; 3) базируется на коллективизме: мы свободны все вместе.

Значит, свободен лишь коллектив: "благодаря этой свободе они предпримут усилия, чтобы осуществить то, что, на их взгляд, должно нравиться индивидууму... Общество, таким образом, обречено бесконечно повторять акт своего рождения: оно существует через повеление и первого начальника сменит следующий... Важно лишь настоящее: будущее, вслед за прошлым, должно быть разрушено, ибо несет в себе угрозу непредусмотренных изменений; 4) диктаторская. "Делай то — что хочешь" аналогично более туманному "делай то — что следует из марксизма". Приказ без каких-либо оговорок и возражений сам по себе возводит непреодолимую диссимметрию — между тем, кто провозглашает это как закон, и тем, кто это воспринимает как правило жизни; 5) теологична. Ее основа религиозна как у Св

.Августина: "Люби Бога, служи (Ему) и делай что хочешь". Мысль XX в. гласит: "Все разрешено" — разрыв связи с волей Божьей устраняет религиозную окраску, но следы разрыва остаются: в подтексте следует "Если Бог умер, то все позволено". Исчезает религиозная связь, но ее место занимают универсализирующие рассуждения, которые ведутся с тем же авторитетом, что был присущ рациональной теологии.

По убеждению Г., "задача задач бюрократических систем — предстать именно как Система, речь идет не столько о том, чтобы применить закон, сколько о том, что существует такая вещь, как Закон". По версии Г., вся европейская эпоха после

Просвещения демонстрирует тенденцию возрастания роли разума в общественной жизни и его поступательное отождествление с властью: в 1789 был инициирован процесс внедрения в массы "воли к господству". Именно Фихте, провозгласивший долженствование философии быть логически обоснованной системой, "основополагающей наукой", "наукоучением", продуцировал, по Г., установку на ее превращение в (словами Фихте) "источник человеческого могущества". Таковая наука у Фихте "должна обладать принципом, который не может быть доказан ни из нее самой, ни из какой-нибудь другой науки, ибо она есть наивысшая наука". По Фихте, "действовать! — вот для чего мы существуем". Г. усматривает в этой интеллектуальной линии проект политизации философии с целью достижения абсолютного господства субъекта. Субъектом — деятельным и активным — в данном контексте становится само знание, а развертывание "Я" оказывается тождественным экспансии принципа господства. Знание, разум начинают доминировать над действительностью: происходит сплавление науки (абсолютного знания) и революции (ориентация "абсолютной деятельности" разума на перманентное и всеобъемлющее отрицание) в цельную метафизику господства — подчинения.

Суть фихтеанского учения о свободе, по мысли Г., такова: &quot

;Мы должны социализировать людей, исходя из их свободы". В дальнейшем, в продолжение идей Фихте, Гегель, согласно Г., сформулировал вывод: "познавать — значит господствовать", дополнив его впоследствии тезисом "мыслю, следовательно, государство существует". Свобода, по Гегелю, в интепретации Г., определяется как "принцип, говорящий о том, каким способом правитель должен управлять". Оценивая вклад Маркса в дело порабощения человечества, Г. пришел к выводу, что тот "предложил стратегическую схему дешифровки, а следовательно, и организации крупных конфликтов в современных обществах". Маркс, как полагает Г., как и все "властители-мыслители" стартует следующим образом: "начинает с нуля", разрушая все предшествующее, и — далее — "создает науку должного". Маркс сумел сформулировать "целостное решение проблем Французской революции", акцентировав внимание на проблемах того, "как должно быть организовано общество; каким способом люди, живущие в нем, могут быть свободными; как можно управлять "плебсом". Данная схема Маркса, по Г., базируется на гипотезе, в соответствии с которой "отношения власти по определению выводятся из отношений между вещами".

Производительные силы, таким образом, оказываются ни чем иным, как "институтами производства власти", вокруг которых и разворачиваются конфликты современного общества. И, наконец, Ницше, по версии Г., отбросил ненужные избыточности и в основе социальности поместил "волю к власти". Для Ницше, по мысли Г., "все организации, государство, наука, искусство, политика, религия являются только "формообразованиями господства", структурой воли к власти". Ницше, с точки зрения Г., отказался от последнего возможного индикатора властных отношений — экономических данностей (товаров) — немецкий мыслитель провозгласил: "Властвующий измеряет сам, не позволяя при этом, чтобы его измеряли; он сам задает нормы". Подводя итог интеллектуальным достижениям западно-европейской философской традиции 18—19 вв. в этой сфере, Г. отмечает, что в ракурсе общей онтологии идет поиск ответа на вопрос "что такое бытие и сущее". В развороте же специальной онтологии властители-мыслители, по Г., выясняют "кто сущий" с целью "представить программу радикального господства над всем". Как акцентирует Г., "все современное господство в своей глубинной основе метафизическое". Призвание подобных философских дискурсов, по мысли Г., внедрение в ткань реальности определенных типов господства: наличествующие среди народа противоречия становится возможным "рационально и систематично поставить на службу правительствам". Попытки примирить благое (наличное или ставшее) состояние общества с неизбывной социальной несправедливостью Г. трактует как "социодицеи" /по аналогии: "теодицея" как проблема оправдания Бога в контексте презумпции несовершенства созданного им мира — А.Г./. Естественно в этом контексте то, что идею "блага" Г. характеризует в статусе универсальной "глупости" (проявления "воинствующего кретинизма"), фундирующей все базовые идеологии. Обращаясь к фигурам Сократа и Декарта, Г. подчеркивает, что подлинное призвание философа состоит отнюдь не в разработке жизнеутверждающего

морально-идеологического идеала, а в "раскрытии заблуждений" людей.

А.А. Грицанов